

Славяноведение, 2024, № 4, с. 64–79

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 64–79

DOI: 10.31857/S0869544X24040063, EDN: WWSHGP

Оригинальная статья / Original Article

Функционально-стилистическая эквивалентность при передаче
кодовых переключений (на материале русских глаголов в польской
«Версии R» романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин»)

© 2024 г. О.А. Остапчук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

ostapczuk@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/> на англ.

Аннотация. Предметом анализа в статье являются глаголы, представляющие собой однословные русскоязычные включения в одной из польских версий перевода романа Э. Бёрджесса «*Mechaniczna pomarańcza. Wersja R*» (1999) авторства Р. Стиллера. Русский язык сознательно используется переводчиком для конструирования особого «сленга» *Nadsat* в его польской версии с целью придания тексту соответствующей экспрессивной окраски в рамках игровой поэтики. Из прилагаемого к переводу «Словарика непонятных слов» объемом в 1000 единиц нами было отобрано 117 глаголов, представляющих собой кодовые переключения или другие контактные явления гибридного характера. Анализ призван выявить функционально-стилистическую эквивалентность польского перевода при использовании стратегий внедрения русизмов в польский текст на формальном, семантическом и коммуникативном уровнях. Глагольные лексемы русского происхождения классифицируются в зависимости от стратегии включения русизма в текст, а также степени и уровня его адаптации.

Ключевые слова: перевод, Э. Бёрджесс, польский язык, функциональная эквивалентность, переключение кодов, смешение кодов, русизм, заимствованный глагол.

Ссылка для цитирования: Остапчук О.А. Функционально-стилистическая эквивалентность при передаче кодовых переключений (на материале глаголов в польской «Версии R» романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин») // Славяноведение. 2024. № 4 С. 64–79. DOI: 10.31857/S0869544X24040063, EDN: WWSHGP

Functional and Stylistic Equivalence by Translating the Facts
of Code-Switching (on the Material of Russian Verbs
in the Polish «Version R» of A. Burgess' Novel «A Clockwork Orange»)

© 2024. Oxana A. Ostapchuk

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

ostapczuk@yandex.ru

The study was carried out with the support of grant from the Russian Scientific Foundation, the project № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian verb inclusions in one of the Polish versions of the translation of A. Burgess's novel «A Clockwork Orange» under the title «Mechaniczna pomarańcza. Wersja R» (1999) by R. Stiller. The Russian language is deliberately used by the translator to construct a special «slang» Nadsat in its Polish version in order to give the text an appropriate expressiveness within the language play. 117 verbs selected from the 1,000-item Dictionary of «Unintelligible Words» accompanying the translation represent Russian-Polish code-switchings and other hybrid contact phenomena. The analysis is intended to reveal the functional and stylistic equivalence of the translator's strategies of introducing Russian verbal borrowings in the Polish text on the formal, semantic and communicative levels. Verbal borrowings of Russian origin are classified depending on the strategy of their incorporating into the text, as well as the degree and level of its adaptation.

Keywords: translation, A. Burgess, Polish, functional equivalence, code-switching, code-mixing, Russian borrowing, verbal borrowing.

For citation: Oxana A. Ostapchuk. Functional and Stylistic Equivalence by Translating the Facts of Code-Switching (on the Material of Russian Verbs in the Polish «Version R» of A. Burgess' Novel «A Clockwork Orange») // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 64–79. DOI: 10.31857/S0869544X24040063, EDN: WWSHGP

Язык романа Э. Бёрджесса неоднократно привлекал внимание исследователей. Так, М.В. Окс, анализируя «сленг» *Nadsat* (от русского *-надцать*, аналогичного английскому *-teen*) с использованием лексем, образованных от русских корней, рассматривает его как языковой эксперимент, являющийся частью игровой поэтики и стилистики [Окс 2006]. В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на трудности, возникающие при переводе вымышленного языка, созданного Э. Бёрджессом с использованием практики переключения и смешения кодов на базе русского языка. Существует несколько стратегий при работе переводчика с такими иноязычными включениями. Так, в отечественном переводоведении активно обсуждается эквивалентность различных версий перевода романа на русский язык (в частности, В. Бошняка¹ и Е. Синельщикова) с точки зрения воспроизведения в них нетипичной для английского языка формы и содержания языковых единиц, а также сохранения экспрессивной и эстетической (игровой) функции окказиональных авторских образований [Паутова 2019].

Установление отношений эквивалентности между оригиналом и переводом в этих обстоятельствах происходит одновременно на нескольких уровнях. Автор многочисленных исследований по сопоставительному анализу грамматического строя близкородственных языков А.Г. Широкова отмечала, что «лингвистика перевода является надстройкой над сравнительно-сопоставительным языкознанием». При оценке параметров адекватности переводных соответствий она призывала не ограничиваться поиском узуальных функционально-семантических эквивалентов, подчеркивая, что «при установлении функциональной эквивалентности необходимо также принимать во внимание коммуникативную эквивалентность текста» [Широкова 1998, 55] на уровне грамматико-контекстуальных текстовых комплексов, считая «необходимым

¹ Бёрджесс 1991.

критерием подлинной эквивалентности» также «стилистическую адекватность сопоставляемых единиц» [Там же, 57].

Ситуация в данном случае осложняется тем, что мы имеем дело с особой формой индивидуального двуязычия, а именно с литературно-художественным билингвизмом, являющимся результатом сознательной интеллектуальной и творческой деятельности [Герд 2005, 35–37]. Контактные явления, в том числе переключение и смешение кодов, носящие в практике неформальной (устной) коммуникации неосознанный характер и преследующие прежде всего коммуникативные цели, в литературном творчестве могут использоваться — как в данном случае — сознательно с целью создания дополнительных семантических, эмоционально-экспрессивных и/или стилистических коннотаций². Выбор выразительных средств, происходящих из разных языков, для автора литературного высказывания является не только средством достижения определенного эстетического (или, как в случае с Э. Бёрджессом, игрового и сатирического) эффекта, но в определенной степени отражает его собственную языковую и коммуникативную компетенцию. Автор расширяет набор выразительных средств за счет использования возможностей сразу нескольких языков, при этом демонстрируя не только собственные способности продуцирования текста с опорой на разные языки, но в определенном смысле (сознательно или невольно) ограничивая также круг своих читателей, поскольку предполагается, что они смогут понять (декодировать) и оценить произведение, в котором использованы несколько языковых кодов. Таким образом, текст реализует не только задачу своеобразного игрового «остранения», но и создает некую общность «посвященных», как это происходит при использовании в коммуникации любого языкового идиома, ориентированного на «своих», тех, кто владеет собственным кодом (таким как сленг, жаргон, тайный язык и под., ср. [Окс 2006]). Неслучайно исследовательница польских переводов Э. Бёрджесса А. Гинтер особо подчеркивает роль сленга как третьего кода, используемого автором в рамках логики языковой игры и оказывающего серьезное влияние на работу переводчика по поиску стилистически и функционально адекватных средств образности [Ginter 2003].

Сознательное использование автором элементов нескольких языков при создании текста является важным стимулом, активизирующим восприятие читателя, который таким образом становится равноправным участником языковой игры. В текстах, построенных по ее законам, экспрессивный эффект достигается, в частности, за счет нарушения формальных и смысловых связей слов [Попова 1997, 131], а также — как в нашем случае — расширения возможностей словотворчества. В «Заводном апельсине» (и в оригинале, и в его переводах) экспрессивные авторские новообразования конструируются с использованием словообразовательных и морфологических элементов, маркированных в сознании читателей как «чужие», тем самым можно их рассматривать как аналог контактных явлений в речи, более узко — как факты переключения и/или смешения кодов.

Переключение кодов, будучи одним из интерференционных процессов в спонтанной речи в ситуации языкового контакта, предполагает использование билингвом в одном речевом акте единиц, относящихся к разным языковым системам; при использовании лексических и структурных элементов разных языков в рамках одного слова принято говорить также о более узком

² Ср. понятие маркированного переключения кода, нацеленного на достижение максимального коммуникативного эффекта, в ситуации языкового контакта в: [Русаков 2003, 67].

явлении — смешении кодов (ср. [Русаков 2003, 93–95]). Именно таким случаям мы намерены уделить особое внимание при анализе глагольной лексики и ее роли как специфического стилистического средства при воссоздании игровой стилистики текста в польском переводе «Заводного апельсина». Таким образом, предметом анализа в настоящей статье являются однословные русскоязычные включения, представляющие собой контактные явления (факты переключения или смешения кодов) в сфере глагола, в одной из польских версий перевода романа Э. Бёрджесса «*Mechaniczna pomarańcza. Wersja R*» (1999) авторства Р. Стиллера³. Русский язык сознательно используется переводчиком для конструирования особого «сленга» *Nadsat* в его польской версии с целью придания тексту соответствующей экспрессивной окраски в рамках игровой поэтики и достижения функционально-стилистической и коммуникативной эквивалентности перевода.

Сам Р. Стиллер в послесловии к «русской» версии своего перевода (существуют также «английская» версия, изданная впервые в 1991 г.⁴, и незаконченная «немецкая» [Ginter 2003, 300]) уделяет довольно много внимания технике передачи в польском языке специфических особенностей языка Э. Бёрджесса. «Выдуманный язык юных дегенератов в “Заводном апельсине” составляют прежде всего элементы молодежного сленга и жаргона преступников, приправленные выпадами в стиль невежественный и почти библейский, но прежде всего множеством заимствований, в основном из русского языка. Этого языка английский читатель сначала тоже не понимает. С какой целью это делается? Прежде всего, чтобы затруднить читателям восприятие, чтобы подчеркнуть чуждый и непонятный характер этого культурного, общественного и исторического явления, а также отвлечь внимание от происходящего ужаса частично благодаря нагромождению языковых трудностей»⁵ (здесь и далее перевод мой. — О.О.). Особым образом объясняет он также необходимость обращения к русскому языку при воспроизведении в переводе контактных явлений: «С самого начала было ясно, что, если для оригинала Э. Бёрджесс придумал искусственный язык, щедро вплетая в английский исковерканные русские слова, переводчик также должен создать собственный язык, соответственно изменяя польский. И с первого момента было также ясно, что наложение русских элементов на польский язык даст совершенно другой эффект и несравнимо более глубокий, существенный, значительный масштаб этого эксперимента, чем в оригинале»⁶. Чрезвычайно важными представляются рассуждения переводчика о соответствии его индивидуальных творческих решений общей логике языкового развития и истории взаимодействия русского и польского языков: «Было понятно, что польский язык этого перевода требует большей, чем в оригинале, русификации. [...] Это не пустое развлечение, а попытка проследить и испытать стихийный процесс в развитии и истории языка, процесс чрезвычайно трудный!»⁷.

В приложении к польскому изданию романа Р. Стиллер помещает «Словарик непонятных слов» (*Słowniczek mniej zrozumiałych wyrazów*)⁸. Словарь демонстрирует по крайней мере трехкратное увеличение числа окказиональных

³ Burgess (1999) 2019b.

⁴ Burgess (1991) 2019a.

⁵ Stiller 2019b, 181.

⁶ Stiller 2019a, 192.

⁷ Ibid, 193.

⁸ Stiller 2019c.

единиц (1000 против 300) по сравнению с оригиналом⁹, среди них значительное место занимают именно контактные явления, по большей части носящие окказиональный характер¹⁰. Примечательно, что в словаре версии «Р» насчитывается 117 глаголов (11% от всех выделенных переводчиком заимствований), несколько больше, чем в версии «А», где представлено около 70 глаголов (7%). При этом сам переводчик отмечает, что далеко не все приставочные дериваты попали в словарь: так, если префикс «существенным образом не меняет значения корня, под которым данное слово уже фигурирует»¹¹, то окказионализм не выносится в словарный список.

Заметим, что учет частеречной принадлежности при анализе заимствований из русского языка в польской прессе периода XIX в., когда значительная часть Польши входила в состав Российской империи, показывает сходный процент глагольной лексики, но только в одном из типов заимствований. Так, глаголы составили 13% среди калек (в том числе семантических), обнаруженных в публицистических текстах того времени, в то время как среди непосредственных заимствований из русского языка их число ограничилось лишь 4% [Karaś 1996, 330]. Исследователи польско-восточнославянских контактов на территории распространения периферийных польских говоров специально не выделяют глаголы, рассматривая их наряду с лексическими заимствованиями другой частеречной принадлежности [Krawczyk 2007], [Rieger (2004) 2019]. При этом лингвистический анализ стилистических средств в рамках игровой поэтики показывает, что чаще всего «происходит опосредованное вовлечение глагола в языковую игру: через переосмысление его дериватов или через обыгрывание какого-либо слова с помощью окказионального текстового глагольного мотиватора» [Попова 1997, 134]. Выбранный нами фокус предполагает выявление специфики поведения именно глагольной лексики в ситуации перевода (передачи) контактных явлений на фоне имеющихся данных о взаимодействии польского и русского языков.

Обнаруженные в «Словарике непонятных слов» и непосредственно в тексте перевода романа глагольные лексемы русского происхождения могут быть классифицированы в зависимости от стратегии включения русизма в текст, степени и уровня его адаптации и характера структурных элементов в составе заимствований и разного рода гибридных образований. В качестве ориентира используется классификация русскоязычных заимствований, разработанная Г. Карась на материале польской публицистики XIX в. [Karaś 1996], на которую опираются также исследователи смешанных идиомов на польско-восточнославянском пограничье: периферийных польских говоров [Krawczyk 2007; Rieger 2019a, 2019b], а также польского молодежного социолекта Вильнюса [Dawlewicz 2011]. Польские исследователи исходят из широкого понимания русизма, причисляя к лексическим элементам, возникшим под влиянием русского языка, как формально-семантические заимствования, демонстрирующие различные формы адаптации на фонетическом, словообразовательном и/или грамматическом уровнях, так и структурные (словообразовательные и синтаксические) кальки, а также семантические кальки и полукальки [Karaś 1996, 47]. М. Давлевич дополнительно уделяет много внимания лексическим и фразеологическим цитатам с минимальной степенью формального приспособления к системе польского языка, что отчасти объясняется тем, что в вильнюсском молодежном социолекте в качестве

⁹ Burgess (1962) 2011.

¹⁰ П. Мэйскен все окказиональные заимствования относит к включениям [Muysken 2000, 3].

¹¹ Stiller 2019c, 214.

источника заимствований выступает не литературный язык, а различные идиомы из сферы неформального общения (разговорная речь, просторечие, жаргоны, включая преступный) [Dawlewicz 2011, 74]. Тенденция к использованию в качестве источника заимствования стилистически сниженных русских лексем и элементов сленга (говоров) является также важной составляющей переводческой стратегии Р. Стиллера, что обеспечивает необходимый уровень функциональной эквивалентности и сохранение стилистической (игровой) специфики романа Э. Бёрджесса на польском языке.

Применительно к глаголам классификация русизмов, однако, может быть уточнена за счет привлечения специальных работ по данной проблематике, учитывая тот факт, что процесс их заимствования демонстрирует целый ряд особенностей. Так, Я. Вольгемут, проанализировав различные стратегии перенесения глагольных лексем в другую языковую среду, создал собственную типологию таких заимствований. Им были выделены следующие стратегии: вставка парадигмы (*paradigm insertion*) при перенесении глагола со собственными ему флексиями из базового языка; прямое и не прямое включение (*direct / indirect insertion*) на основании наличия / отсутствия особых показателей (специальных адаптирующих суффиксов, так называемых вербализаторов); использование «облегченных глаголов» с обобщенной семантикой (*light verb strategy*), вводящих заимствованные глагольные формы [Wohlgemut 2009].

В нашем материале, соответственно, можно выделить следующие **группы русизмов в сфере глагола: фактически неадаптированные вкрапления-цитаты** (стратегия вставки парадигмы по Я. Вольгемуту), **формально-семантические заимствования, прошедшие фонетико-словообразовательную адаптацию**¹² и **приспособленные к грамматической системе польского языка** (на основе стратегий прямого и непрямого включения по Я. Вольгемуту), а также **использование усеченных глагольных основ в составе аналитических предикатов** (ср. использование «легких» глаголов по Я. Вольгемуту). Особо выделяются структурные и семантические кальки (и полукальки), основанные на логике языковой игры, а также случаи поддерживающего влияния, когда русизм замещает нейтральную лексему маркированной, совпадающей по форме с исконным (чаще всего устаревшим или диалектным) словом. Названные типы окказионализмов используются переводчиком сознательно в целях достижения функционально-стилистической адекватности польского перевода английскому оригиналу.

Неадаптированные русскоязычные глагольные вкрапления

В устных формах современных контактных идиомов широко понимаемые русскоязычные цитаты с минимальной степенью адаптации фиксируются довольно широко [Dawlewicz 2011, 69]. Количественные подсчеты среди заимствованных лексем, требующих адаптации, в польском говоре на Подолье также показывают некоторое преобладание фонетически неадаптированных форм: 40 против 30 [Krawczyk 2007, 48]¹³. При этом в письменных польских текстах сохранение исходной фонетической формы русского заимствования, особенно характерного для звучания русской речи аканья или смягчения согласных перед *e*, выглядит скорее исключением, чем правилом¹⁴. Аналогич-

¹² Известный исследователь языковых контактов на польско-восточнославянском пограничье Я. Ригер особо подчеркивает необходимость выделения группы лексем, не требующей формальной адаптации [Rieger 2019a, 148].

¹³ Заметим, что А. Кравчик не разграничивает в этом отношении украинизмы и русизмы.

¹⁴ Ср. замечания о немногочисленности заимствований «со слуха» и преобладании графических русизмов в публицистических текстах XIX в. [Karaś 1996, 182].

ная тенденция обнаруживается также в нашем материале. Отмечены лишь единичные русскоязычные вкрапления-цитаты, сохраняющие не только свою исходную фонетическую, но и морфологическую форму: речь идет о восьми из 117 глаголов (ок. 7%) с учетом того, что некоторые из них являются производными от идентичных корней. Если в случае с формой *dawaj*¹⁵ (рус. *давай*, ср. пол. *jazda*, *nuże*¹⁶) можно говорить о возможном переносе ударения на предпоследний слог¹⁷, то в других случаях именно указание на особое место ударения, а также сохранение на письме русского аканья и характерных грамматических показателей служит важным стилистическим маркером, выделяющим русизм в общей языковой ткани польского перевода: *paga'di* (рус. *погоди*, ср. пол. *proczekaj*), *pa'jechali* (рус. *поехали*, ср. пол. *jazda!*). К этой же группе фонетически и грамматически неизменных заимствований относятся формы глаголов 'пойти': *pa'szli* (рус. *пошли*, пол. *poszli*¹⁸), *pa'szoł* (рус. *пошел*, пол. *poszedł*) и 'понимать/понять': *paj'miosz* (рус. *поймешь*, пол. *zrozumiesz*), *panimajesz* (рус. *понимаешь*, пол. *rozumiesz*), *pani'maju* (рус. *понимаю*, пол. *rozumiem*)¹⁹. Перечисленные русизмы, часть из которых закреплена в польском диалектном/разговорном узусе, выполняют в тексте экспрессивную функцию, дополнительно подчеркивая сленговый, неформальный характер идиома, на котором общаются герои романа, что позволяет обеспечить необходимый уровень функционально-стилистической эквивалентности перевода. Именно применительно к таким единицам можно говорить о переключении кода в узком значении этого слова, поскольку речь идет о единичном включении иноязычного слова (русизма) в текст на доминирующем (польском) языке. Согласно классификации Я. Вольгемута, такие случаи можно рассматривать как реализацию стратегии вставки парадигмы [Wohlgemut 2009, 118].

Адаптация глагольных заимствований на фонетико-фонологическом и графико-орфографическом уровне²⁰.

Близость фонетико-фонематических систем русского и польского языков обусловила тот факт, что среди однословных вкраплений в тексте перевода (как и в польской публицистике XIX в.) преобладают адаптированные заимствованные глаголы (93% всех русизмов), что выражается на письме в соответствующей графико-орфографической форме (ср. [Karaś 1996, 172–182]). В ходе формального приспособления заимствования к системе принимающего языка, как известно, происходит узуальная субституция изофункциональных фонем (ср. [Комиссаров 1990, 136]), в случае с русизмами фактически исключая фиксацию на письме аканья и других ярких проявлений фонетической редукции в сфере вокализма [Karaś 1996, 179]. В сфере консонантизма в контактных идиомах отчетливо реализуется тенденция к фонетико-графической субституции с учетом регулярных межъязыковых (этимологических в своей основе)

¹⁵ Идентичная форма фиксируется в польских периферийных говорах [Krawczyk 2007, 112]. Данное заимствование можно рассматривать также как неосемантизм, учитывая возможность образования аналогичной польской формы от глагола *dawać* с другим значением.

¹⁶ Здесь и далее польские аналоги окказионализмов приводятся в соответствии с текстом «Словарика непонятных слов» (Stiller 2019в).

¹⁷ Об акцентуационной адаптации как особой форме приспособления восточнославянских заимствований в польских говорах см. [Krawczyk 2007, 50–53].

¹⁸ В данном случае отличие от узуальной польской формы состоит именно в фиксации аканья.

¹⁹ В говорах на польско-украинском пограничье фиксируется форма без аканья с польским окончанием 3 л. ед.ч.: (она) *ponimaje* [Krawczyk 2007, 132].

²⁰ При всей важности методологического принципа разграничения сугубо фонетических и графико-орфографических фактов, наш материал не позволяет этого сделать.

соответствий (ср. [Rieger 2019a, 150]), а на окончательную форму слова влияет наличие функционального аналога в польском языке. Это хорошо видно на примерах адаптации корневых глагольных морфем в нашем материале:

- после губных устраняется I эпентетикум при сохранении мягкости: *dobawiac*²¹ (рус. *добавлять*, пол. *dodawać*);
- русские мягкие свистящие заменяются польскими аффрикатами и среднеязычными шипящими *ǫ', ʒ' / dź, ź*, как в: *proischodzić* (от рус. *происходить*, пол. *dziać się*), *pogłazić*²² (от рус. *поглазеть*, пол. *popatrzeć*);
- мягкому русскому *p'* соответствует польский *rz* [ż]: *dowierzać*²³ (рус. *доверять*, пол. *wierzyć*);
- соответствием русского *ч* (мягкого) является польский диграф *cz* (обозначающий твердый звук): *połuczyc*²⁴ (рус. *получить*, пол. *dostać*);
- *щ* передается польским функциональным соответствием при помощи сочетания согласных *szcz*: *obszczyc się*²⁵ (от рус. *общаться*, пол. *obcować*), *szczurzyć się* (рус. *щуриться*, пол. *mrużyć oczy*).

Наличие созвучных польских корневых лексем не только облегчает понимание заимствования, но и позволяет активизировать игровой потенциал образований такого рода благодаря создаваемой прозрачности внутренней формы. Так, в последнем примере у глагола *szczurzyć się* возникает ассоциативная связь с окказиональным лексическим мотиватором *szczur* 'крыса', подчеркивающая экспрессивность и сниженный характер русизма. Интерференционный процесс, который переводчик имитирует при создании единиц такого рода, описывается скорее в терминологии смещения кодов, а передача русских глаголов в польском тексте в данном случае реализует (с некоторыми оговорками) стратегию прямого включения (по Я. Вольгемуту).

Формальная адаптация на фонетико-орфографическом уровне позволяет Р. Стиллеру задействовать в качестве функциональных соответствий для окказионализмов из оригинального английского текста также сниженные по своему характеру интерференмы, отмечаемые при различных формах русско-польского языкового контакта в условиях недостаточной языковой компетенции, напр. *znachodzić się* (рус. *находиться*, пол. *znajdować się*²⁶), *uwidzieć* (рус. *увидеть*, ср. пол. НСВ *widzieć* – СВ *zobaczyć*)²⁷. Важная стилистическая роль отводится также примерам, квалифицируемым как факты поддерживающего влияния, когда нейтральная польская лексема заменяется маркированной (чаще всего устаревшей), совпадающей по форме с русизмом²⁸ (*dzierżyć* – рус. *держать*, ср. пол. нейтр. *trzymać*) (ср. [Karaś 1996, 70]). В данном случае речь идет о поисках переводчиком функциональных соответствий с целью воссоздания стилистически неоднородного языкового идиома, в котором «элементы молодежного сленга и жаргона преступников» соседствуют с «выпадами

²¹ Ср. в говорах польско-восточнославянского пограничья *dobawić* – укр. *добавити* [Krawczyk 2007, 112].

²² Ср. диалектное *zglazić* от рус. *сглазить* [Krawczyk 2007, 150].

²³ Ср. близкое *zwierzyć*, выводимое из укр. *звірити* [Krawczyk 2007, 150].

²⁴ Аналогично в польских периферийных говорах [Krawczyk 2007, 131].

²⁵ Ср. в польской публицистике XIX в. именные заимствования с аналогичным корнем напр. *obszczyna* (от рус. *община*) [Karaś 1996, 132].

²⁶ Ср. диалектную форму совершенного вида *najść* при узуальном *znaleźć*, очевидно, от рус. *найти* [Rieger 2019b, 468].

²⁷ Форма нередко появляется у русскоязычных студентов, осваивающих польский язык.

²⁸ Об архаизмах и диалектизмах, совпадающих по звучанию с соответствующими украинскими и русскими словами, которые сохранились в польских периферийных благодаря поддерживающему влиянию см. также [Krawczyk 2007, 39–43].

в стиль невежественный и почти библейский»²⁹. Польские архаизмы, одновременно являющиеся русизмами, позволяют переводчику использовать должным образом стилистический потенциал включений такого рода.

Словообразовательная адаптация и кальки

Субституция фонем, происходящая в префиксах с учетом узуальных этимологических соответствий, позволяет говорить об их фактической функциональной мене на уровне морфем. Учитывая сохранение их структурных (словообразовательных) функций, польские исследователи рассматривают такие случаи как факты словообразовательной адаптации заимствований [Karaś 1996, 176], [Krawczyk 2007, 59–61], дополнительно отмечая сложности при установлении границ собственно фонетической и словообразовательной адаптации, с чем нельзя не согласиться. Среди заимствованных из русского языка глаголов, используемых Р. Стиллером в качестве экспрессивного средства в польском переводе, довольно много приставочных дериватов, дающих примеры такого типа адаптации: *przydumać* (рус. *придумать*, пол. *wymyśleć* при наличии пол. кн. и диал. *dumać* ‘размышлять’ и ряда производных: ср. [Krawczyk 2007, 113, 150], [Rieger 2019b, 471]); *przydzierać się* (рус. *придираться*, пол. *szepiać się* при наличии узуального пол. *przedzierać się* ‘продираться’), *rozdziargać* (рус. *раздирать*, пол. *poszarpać* при наличии пол. *dziargać* ‘вязать, напр. на спицах’). Наличие созвучных узуальных и/или маркированных польских корневых лексем в данном случае создает дополнительные сложности при квалификации заимствований. Так, наличие/отсутствие формально близкого исконного соответствия корневой морфемы при адаптации аффиксов позволяет некоторым исследователям выделять особую категорию полукалек [Krawczyk 2007, 62].

Возможности функционального отождествления структурных элементов различного происхождения позволяют переводчику максимально расширить сферу применения калькирования как особого способа создания окказиональных глаголов с использованием русских и польских морфем (по аналогии с фактами смешения кодов в естественных идиомах). Заметим, что учет частеречных характеристик структурных и семантических калек, отмечаемых при естественном польско-восточнославянском языковом контакте, демонстрирует значительное увеличение доли глагольной лексики именно в этом типе заимствований [Karaś 1996, 330]. Калькированным глаголам с опорой на русский язык отводится также чрезвычайно важная роль в рамках воссоздания средств игровой поэтики Э. Бёрджесса в польском переводе: см., напр., *przekrócić* (от рус. *прекратить*³⁰, пол. *położyć kres* при наличии узуального *skrócić*); *rozgadnąć* (рус. *разгадать*, пол. *zgadnąć*); *rozwlekać (się)* (1) от рус. *развлекаться*, пол. *zażywać rozrywki*; 2) рус. *сволакивать (с себя)*, *раздеваться*, гибрид на базе пол. *rozbierać się*³¹ и *zwlekać* ‘с трудом снимать’.

Механизм совмещения морфологических элементов разных языков в рамках одного слова при условии их созвучия (ассоциативной связи) использован Р. Стиллером также при конструировании многочисленных гибридов, в которых обыгрывается внутренняя форма лексем из обоих языков: *uczmychnąć się* (рус. *улыбнуться* + пол. *czmychnąć*) ‘uśmiechnąć się z odgłosem jakby czmychnięcia bez otwierania ust’ – ‘улыбнуться, хмыкнув, не размыкая губ’; *uwrzasnąć się* (рус. *ужаснуться* + пол. *wrzasnąć*) ‘wydać krzyk przerażenia’ – ‘вскрикнуть от ужаса’,

²⁹ Stiller 2019b, 181.

³⁰ Ср. зафиксированную в говорах форму *przekrucić się* ‘испортиться’, связанную с укр. *перекрутитися* и рус. *прекратиться* [Krawczyk 2007, 134].

³¹ Ср. в диалектном материале неосемантизм *rozebrać się* ‘разбираться’ [Krawczyk 2007, 136].

zacepić (рус. *цепь*, *зацепить*, пол. *zaczepić*) ‘ударить цепью’, *odkluczyć*³² (рус. *ключ*, *отключить*, пол. *otworzyć*) ‘открыть ключом’. Возможность функционального отождествления приставок и калькирование в сфере глагольной лексики, таким образом, создает для переводчика дополнительный стилистический ресурс, который может быть использован им — без нарушения логики языкового разнотия и законов контактирования близкородственных языков — для воссоздания специфической игровой поэтики романа на польской почве.

Морфологическая адаптация глаголов

На грамматическую форму русских заимствований существенное влияние оказывает возможная аналогия с собственно польскими лексемами и морфемами, что в сфере глагола приводит к абсолютному превалированию морфологически адаптированных русизмов. Для сравнения: из 60 заимствованных восточнославянских глаголов в периферийном польском говоре на Подолье у 21 были отмечены окончания, идентичные в языке-доноре и языке-реципиенте, и лишь один глагол был заимствован в неизменном виде в соответствии со стратегией «вставки парадигмы» (речь о глаголе *dumajesz* [Krawczyk 2007, 55], ср. [Karaś 1996, 181], выше приводились аналогичные примеры в нашем материале). Это не в последнюю очередь связано с типологической близостью русского и польского языков, изоморфизмом их грамматических систем и синтаксических структур, что способствует быстрому морфологическому освоению заимствованных глаголов³³.

Как и в естественных контактных идиомах, в переводе Р. Стиллера в ходе морфологической адаптации важную роль играет наличие узуального функционального соответствия между глагольными формантами, в частности русским *-ть* и польским *-ć*: *kiadać*³⁴ (рус. *кидать*, пол. *rzucać*) в инфинитиве. Сохранение русского тематического суффикса и Г. Карась, и М. Давлевич считают характерной особенностью перенесения глаголов в польскую речь, в нашем материале такие случаи также фиксируются: напр. *poniać*³⁵ (рус. *понять*, пол. *zrozumieć*), *rabotać*³⁶ (от рус. *работамь*, пол. *pracować*). Следует, однако, отметить, что в целом ряде случаев тематические суффиксы в обоих языках совпадают, следовательно, такие глаголы можно отнести к нейтральной группе с точки зрения необходимости морфологической адаптации. О дискуссионной роли тематических гласных при адаптации заимствованных глаголов пишет, в частности, Г.П. Пилипенко на материале славянских переселенческих говоров в ситуации славянско-неславянского контакта [Пилипенко 2023, 201–202]. Если продолжить эту логику, то в терминологии Я. Вольгемута рассматриваемую модель адаптации можно квалифицировать как «прямое включение», когда глагольный показатель присоединяется непосредственно к заимствованному элементу [Wohlgemut 2009, 92].

Особый интерес вызывают случаи субституции не только глагольного форманта, но и тематического суффикса: так, в паре *szwyrgać* — *szwyrgnąć* (ср. рус. *швырять* — *швырнуть*, пол. *rzucić*) в глаголе несовершенного вида сохраняется

³² Ср. в ситуации естественного контакта более предсказуемое заимствование с аналогичным значением *odkrywać* — *odkryć* [Krawczyk 2007, 127].

³³ Ср. замечания П. Мэйскена о конгруэнтной лексикализации при уподоблении грамматических структур взаимодействующих языков и наличии факторов типологической близости [Muysken 2000, 122].

³⁴ Данную глагольную лексему исследователи польских периферийных говоров причисляют к архаизмам [Krawczyk 2007, 40; Rieger 2019b, 465].

³⁵ Ср. оцениваемый в говорах как частотный глагол *pojać* с идентичным значением [Rieger 2019a, 148].

³⁶ При наличии узуального существительного *robota* ‘работа’, синонимичного *praca* и отмеченного в периферийных говорах заимствования *roboczy* | *raboczy* ‘рабочий’ [Krawczyk 2007, 136].

исходный тематический суффикс *-a-*, а в перфективе русский суффикс *-ну-* замещается его польским функциональным соответствием *-nq-*. Оформленные таким образом русизмы в терминологии Я. Вольгемута реализуют стратегию «непрямого включения», что предполагает вставку между заимствованным корнем и глагольным показателем так называемых суффиксов-вербализаторов [Wohlgemut 2009, 57]. В переводе Р. Стиллера польский суффикс *-nq-*, изофункциональный русскому *-ну-*, используется довольно активно: *głotnąć* (рус. *глотнуть*, ср. пол. *łyknąć*), *rozpachnąć* (рус. *распахнуть*, ср. пол. *szeroko otworzyć* при случайном совпадении с *pachnąć* ‘пахнуть’); *ruchnąć* (рус. *рухнуть*, ср. пол. *runąć* ‘рухнуть’ — здесь важную роль играет созвучие русской и польской глагольных лексем, совпадающих также по значению). Впрочем, в перечисленных случаях морфологическую адаптацию (как ранее словообразовательную) довольно сложно отделить от фонетической, что вполне понятно, учитывая системную близость русского и польского языков и наличие этимологически обусловленных фонетических соответствий, в частности, *-(н)у-* и *-(n)q-*.

В свою очередь, известный исследователь польских периферийных говоров Я. Ригер включает суффикс *-nq-* (аналогичный восточнославянскому *-ну-*) в перечень формообразующих глагольных формантов с функцией видообразования [Rieger 2019a, 461–462]. В нашем материале суффикс *-nq-* также может выступать как самостоятельное средство адаптации (с одновременной перфективацией) заимствованного глагола: *bałaknąć* (от укр. *балакати*³⁷, ср. пол. *powiedzieć* ‘сказать’); аналогичные образования фиксируются в польских периферийных говорах: *wyplunąć* (пол. *wypluć*) [Krawczyk 2007, 147], *zarągnąć się* ‘выругаться’ [Ibid., 89]. Аналогия с русскими заимствованиями позволила переводчику расширить использование данного суффикса-вербализатора также при оформлении англицизмов (многие из них появляются в обеих версиях перевода): *czeknąć* ср. англ. *to chek*, пол. *sprawdzić* ‘проверить’, *lafnąć* ср. англ. *to laugh*, пол. *śmiać się* ‘засмеяться’, *frajnąć* ср. англ. *frighten*, пол. *przełęknąć* ‘перепугать’; а также германизмов: *machnąć*, ср. нем. *machen*, пол. *zrobić* ‘сделать’. Ср. функционирование оформленных таким образом заимствований в двух версиях польского перевода романа Э. Бёрджесса:

Версия «Р» (русская)	Версия «А» (польская)
(1) <i>Krugom łypały na nas i już mi się prawie zachciało bałaknąć</i>	<i>Łypały na nas ołdy tajem i już mi się prawie zachciało spiknąć</i>
(2) <i>Głotnąłeś sobie tego mleka</i>	<i>Drynknąłeś se tego mleka</i>
(3) <i>luknąć, co się hapnie</i>	<i>luknąć, co się hapnie</i>

Отметим, что основным конкурентом суффикса *-nq-* при реализации стратегии непрямого включения англицизмов является формант *-owa-*, который в современном польском языке является наиболее частотным средством морфологической адаптации глагольных заимствований из английского языка (ср. [Wohlgemut 2009, 57]). В тексте перевода Р. Стиллера обнаруживаем, в частности, такие глаголы, как: *fajtować* (от англ. *to fight*, пол. *bić się* ‘биться’), *pejntować* (от англ. *to paint*, пол. *rysować* ‘рисовать’), *tokować* (от англ. *to talk*, пол. *mówić* ‘говорить’); *odfryzować* (англ. *to freeze* ‘замораживать’, *odmrozić* ‘разморозить’), *miksować*³⁸ (англ. *to mix*, пол. *mieszać* ‘смешивать’), *tankować* (*to tank* ‘наполнять

³⁷ Лексема фиксируется также в периферийных польских говорах [Rieger 2019b, 463].

³⁸ Первая фиксация глагола *miksować*, согласно WSJP, относится к 1938 г., однако с другим значением ‘измельчать с использованием миксера’ [WSJP].

резервуар', пол. *pić* 'пить', в т.ч. об алкоголе³⁹) и др. Имеющиеся прямые совпадения созданных Р. Стиллером (оказиональных) кодовых переключений с узуальными заимствованиями в польском языке лишь подтверждают продуктивность использованной переводчиком модели адаптации, усиливая намеренный стилистический эффект.

Особого внимания заслуживают в данном контексте случаи нарушения оппозиции возвратных и невозвратных глаголов под воздействием русского языка. Так, русский рефлексив, прошедший стадию фонетико-морфологической адаптации, в переводе Р. Стиллера может использоваться при отсутствии изофункциональной возвратной формы в польском языке: напр., *obradować się* (рус. *обрадоваться* = пол. *ucieszyć się*, ср. пол. *obradować* 'заседать'), *nakłonić się* (рус. *наклониться* = пол. *schylić się*, ср. пол. *nakłonić* 'склонить'), *zrażać się* (рус. *сражаться* = пол. *walczyć*, ср. пол. *zrażać* 'вызывать отвращение'). Заметим, что возвратность оценивается исследователями польско-восточнославянского контакта как одна из зон межъязыковой «напряженности» в глагольной сфере (ср. [Fellerer 2020, 155–156]).

Фонетико-морфологическая адаптация является обязательным этапом внедрения в текст перевода также образованных Р. Стиллером с опорой на русский язык неосемантизмов в сфере глагола. Возникающий в данном случае экспрессивный игровой эффект является следствием формального сближения лексем разного происхождения, различающихся также по своей семантике, что позволяет обыгрывать внутреннюю форму таких семантических калек: напр. *dosadzać* (рус. *досаждать* = пол. *dokuczać*, ср. пол. *dosadzać* 'подсаживать'), *pieć* (рус. *петь* = пол. *śpiewać*, ср. *pieć* 'петь' о петухе (ср. [Rieger 2019b, 469])), *przystawać* (рус. *присоставать*, пол. *czepiać się*, ср. пол. *przystawać* 'соглашаться, присоединяться'); *zapierać się* (рус. *запираться* = пол. *zamykać (się)*, ср. *zapierać się* 'отпираться, отказываться'), *ustroić* (рус. *устроить* = пол. *urządzić* ср. пол. *ustroić* 'украсить'); *wonieć* (рус. *вонять* = пол. *cuchnąć*, ср. пол. *wonieć* 'источать аромат'). Подобные случаи семантических сдвигов в польской лингвистической традиции принято квалифицировать как «ассоциативные» кальки [Krawczyk 2007, 71]. К ним примыкают также используемые переводчиком в экспрессивных целях гибридные явления, отмечаемые в других формах польско-русского языкового контакта, которые могут квалифицироваться одновременно как архаизмы: *odkrywać* (рус. *открывать* = пол. *otwierać*, ср. [Karaś 1996, 233; Krawczyk 2007, 127] / пол. *odkrywać* 'делать открытие'), *skazać* (рус. *сказать* = пол. *powiedzieć*, ср. [Rieger 2019b, 465; Krawczyk 2007, 40] / пол. *skazać* 'обречь, приговорить'; ср. *skazać w sołdaty* [Karaś 1996, 310]), *zakazać* (рус. *заказывать* = пол. *zamówić*, ср. *zakazywać* 'заказывать' [Krawczyk 2007, 43], *zakaz* 'заказ' [Karaś 1996, 235] / пол. *zakazać* 'запретить').

Одним из способов приспособления заимствованных глаголов к морфологической системе языка-реципиента является использование **аналитических предикатов с обобщенным глаголом** из принимающего языка, охарактеризованный Я. Вольгемутом как стратегия использования «легких глаголов». В нашем материале такая форма грамматической адаптации русизмов встречается довольно редко (обнаружены лишь единичные примеры, что в целом соответствует логике языкового взаимодействия на польско-восточнославянском пограничье), что лишь подчеркивает ее выразительность как индивидуального

³⁹ Глагол *tankować* в значении 'употреблять алкоголь в больших количествах' фиксируется в польских словарях с 1951 г. [WSJP].

экспрессивного средства. В качестве своеобразных «легких» глаголов в нашем материале могут выступать различные польские лексемы, а вторая часть аналитической конструкции представляет собой обозначение некоего опредмеченного (интенсивного) действия, представленного усеченной основой, которую можно трактовать и как глагольную, и как именную. Источник польской конструкции (4) *strzępy książki, którą ja wciąż **darłem razrez!** razrez!* без труда обнаруживаем в оригинале: *and the bits of this book that I was still ripping away at, **razrez razrez***. Подобные аналитические предикаты, представляющие собой сочетания «легких» глаголов с междометиями, активно используемые Р. Стиллером в стилистических целях, также нередко напрямую воспроизводят аналогичные экспрессивные конструкции из английского оригинала: (5) *dałem parę razy **hyp hyp*** – англ. *When I'd gone **erk erk** a couple of razzes*, чем пренебрегает в русском переводе, например, В. Бошняк: рус. *Пару раз с детской непосредственностью сыто **икнув***⁴⁰.

При этом Р. Стиллер идет дальше, превращая усеченные глагольные лексемы, заимствованные из русского языка, в один из стилистических маркеров смешанной (сниженной) русско-польской речи в своей версии Р «Заводного апельсина». Они появляются даже при отсутствии аналогичных конструкций в оригинале, привнося дополнительную экспрессивность на фоне как вариантов польской версии А, так и узуальных глагольных конструкций в русском переводе:

Версия «Р»	Оригинал	Версия «А»	Русский перевод
(6) <i>zaczęłem drzeć te kartki na kawałeczki i razbros po podłodze</i>	<i>Then I started to tear up the sheets and scatter the bits over the floor</i>	<i>After det zaczęłem drzeć te pejpers na kawałeczki i rozrzucac po podłodze</i>	<i>Потом я начал рвать страницы, разбрасывая обрывки по всему полу</i>
(7) <i>To był taki jak gdyby paj w mrożonce, który ona rozsmroz i potem odgrzała</i>	<i>It was like some frozen pie that she'd unfroze and then warmed up</i>	<i>To był taki sort of paj w mrożonce, który ona odfryzowała i potem odgrzała</i>	<i>На столе был какой-то stylii пудинг, который она разморозила, подогрела</i>

Этот стилистический прием с использованием техники усечения была распространен переводчиком также на причастные формы ((8) *To **my się raz dwa zdecyd**o na to drugie* – *This latter we **decided** on*), что дополнительно подчеркнуло сниженный неформальный характер смешанного идиома, на котором общаются герои романа:

Версия «Р»	Оригинал	Русский перевод
(9) <i>Po czym już świecący się, uczesany, wyszczotko i git galant z kiciorem, przysiadłem na kusoczek paji</i>	<i>Then, shining, combed, brushed and gorgeous, I sat to my lomtick of pie</i>	<i>Потом, сияющий, причесанный, чистый и блистающий, сел пообедать ломтиком пудинга</i>

Заключение

Произведенный анализ функционирования глаголов в версии «Р» польского перевода романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», осуществленного Р. Стиллером, позволяет сделать следующие выводы.

Глагольные лексемы благодаря лингвокреативным усилиями переводчика становятся важным стилистическим ресурсом и активно используются в целях воссоздания логики языковой игры в польском варианте «Р» романа. Это становится возможным, в частности, благодаря активному конструированию окказионализмов в глагольной сфере, воспроизводящих логику языкового

⁴⁰ Здесь и далее русские цитаты даются по наиболее популярному переводу «Заводного апельсина» авторства В. Бошняка (Бёрджесс 1991).

контактирования польского и русского языков, в частности, за счет совмещения в рамках одного слова морфологических элементов, различных по своему происхождению.

Сознательное использование переводчиком, вслед за Э. Бёрджессом, фактов переключения и смешения кодов, а также разнообразных гибридных образований на базе русского языка создает мощный прагматический и игровой потенциал конструируемых языковых единиц в сфере глагольной лексики. Тот факт, что часть использованных переводчиком форм имеют свои прямые аналоги в диалектном (разговорном) узусе, создает дополнительное стилистическое напряжение и помогает подчеркнуть неформальный сленговый характер идиома, на котором общаются герои романа. Это, в свою очередь, позволяет добиться необходимого уровня функционально-стилистической и коммуникативной эквивалентности при переводе.

Использованная Р. Стиллером при переводе техника языковой стилизации демонстрирует ряд закономерностей, характерных для взаимодействия близкородственных польского и русского языков в глагольной сфере. Так, были отмечены узуальные способы фонетической и морфологической адаптации, распространенность калькирования, а также тенденция к использованию неосемантизмов и интерферем, иллюстрирующих отсутствие изоморфизма в отдельных граммемах, таких как *uwidzieć* или *uszedł*. В свою очередь, нарушение естественных закономерностей контакта в соответствии с логикой художественного текста (и перевода), может создавать дополнительную экспрессивность, как это происходит в случае включения в текст полностью неадаптированных русских глаголов или окказиональных аналитических конструкций с усеченными глагольными формами (примеры 4–9).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. В. Бошняк. Л.: Художественная литература, 1991. 160 с.
Burgess A. A Clockwork Orange (1962). London: Penguin, 2011. 142 p.
Burgess A. Nakręcana pomarańcza. Powieść. Wersja A (1991) / przełożył z angielskiego i postowiem opatrzył R. Stiller. Kraków: Vis-a-vis / Etiuda, 2019a. 219 s.
Burgess A. Mechaniczna pomarańcza. Powieść. Wersja R (1999) / przełożył z angielskiego i postowiem opatrzył R. Stiller. Kraków: Vis-a-vis / Etiuda, 2019b. 254 s.
Stiller R. Burgess a sprawa polska // Burgess A. Mechaniczna pomarańcza. Powieść. Wersja R (1999). Kraków: Vis-a-vis / Etiuda, 2019a. S. 192–213.
Stiller R. Kilka sprężyn z nakręcanej pomarańczy // Burgess A. Mechaniczna pomarańcza. Powieść. Wersja R (1999). Kraków: Vis-a-vis / Etiuda, 2019b. S. 164–191.
Stiller R. Słowniczek // Burgess A. Mechaniczna pomarańcza. Powieść. Przełożył z angielskiego i postowiem opatrzył R. Stiller. Wersja R. (1999) Kraków: Vis-a-vis, 2019c. S. 214–229.
Wielki słownik języka polskiego (WSJP). [Электронный документ]. URL: <https://wsjp.pl/>. Дата последнего обращения – 27.02.2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 457 с.
Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
Окс М.В. Вымышленный сленг «надцать» в романе Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» // Игровая поэтика. Ростов на-Д., 2006. Вып. 1. С. 99–162.
Паутова С.М. Способы передачи кодовых переключений при переводе на русский язык романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 3 (90). С. 91–97. DOI: 10.23859/1994–0637–2019–3–90–10.

- Пилипенко Г. П. Адаптация заимствованных глаголов из испанского языка в речи потомков украинских переселенцев в Южной Америке // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 193–230. DOI: 10.31168/2073–5731.2023.1–2.2.01.
- Попова Т. В. Семантическое пространство русского глагола и языковая игра // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 131–143.
- Русаков А. Ю. Интерференция и переключение кодов (северно-русский диалект цыганского языка в контекстологической перспективе): Дис. в виде науч. доклада... док. филол. наук. СПб., 2003. 105 с.
- Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. М.: 1998. С. 10–99.
- Dawlewicz M. Rusycyzmy w socjolekcie młodzieży polskiego pochodzenia w Wilnie // Slavistica Vilnensis. 2011. K. 56 (2). S. 67–76.
- Fellerer J. Urban multilingualism in East-Central Europe: The Polish dialect of late-Habsburg Lviv. Lanham/MD; London, 2020.
- Ginter A. Slang as the Third Language in the Process of Translation: A Clockwork Orange in Polish and Russian // Стил. 2003. S. 295–306.
- Karaś H. Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie epoki zaborów (na podstawie prasy warszawskiej z lat 1795–1918). Warszawa: Dom wydawniczy Elipsa, 1996. 361 s.
- Krawczyk A. Zapożyczenia leksykalne w sytuacji wielojęzyczności. Ukrainizmy i rusycyzmy w gwarze Maćkowiec na Podolu. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. 157 s.
- Muysken P. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.
- Rieger J. Jak badać słownictwo kresowe // Idem. Język Polski na kresach. Warszawa: DiG, 2019a. S. 144–153 (впервые опубликовано в: Studia nad polszczyzną kresową. T. XI. Warszawa: Semper, 2004. S. 23–33).
- Rieger J. Morfologia czasownika w gwarze wsi Wójtowce na Podolu // Idem. Język Polski na kresach. Warszawa: DiG, 2019b. S. 442–479 (сокращенная версия статьи: Bakun-Kiczyńska M., Rieger J. Morfologia czasownika w gwarze wsi Wójtowce na Podolu. SPK XI. Warszawa: Semper, 2004. S. 135–199).
- Wohlgemuth J. A Typology of Verbal Borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.

Рукопись поступила в редакцию 31.03.2024

Рукопись принята к печати 15.05.2024

REFERENCES

- Dawlewicz M. Rusycyzmy w socjolekcie młodzieży polskiego pochodzenia w Wilnie. *Slavistica Vilnensis*, 2011, k. 56 (2), pp. 67–76.
- Fellerer J. *Urban multilingualism in East-Central Europe: The Polish dialect of late-Habsburg Lviv*. Lanham/MD; London, 2020.
- Gerd A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku. Kurs lektii i khrestomatiya*. 2-e izd., ispravl. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2005, 457 p. (In Russ.)
- Ginter A. Slang as the Third Language in the Process of Translation: A Clockwork Orange in Polish and Russian. *Stil*, 2003, pp. 295–306.
- Karaś H. *Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie epoki zaborów (na podstawie prasy warszawskiej z lat 1795–1918)*. Warszawa, Dom wydawniczy Elipsa Publ., 1996, 361 p.
- Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): ucheb. posobie*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 253 p. (In Russ.)
- Krawczyk A. *Zapożyczenia leksykalne w sytuacji wielojęzyczności. Ukrainizmy i rusycyzmy w gwarze Maćkowiec na Podolu*. Warszawa, Wydawnictwo DiG Publ., 2007, 157 p.
- Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2000, 306 p.
- Oks M. V. Vymyshlennyy sleng «nadsat's» v romane A. Burgessa «Zavodnoi apel'sin». *Igrovaya poetika*. Rostov na-D., 2006, vyp. 1, pp. 99–162. (In Russ.)
- Pautova S. M. Sposoby peredachi kodovykh pereklyuchenii pri perevode na russkii yazyk romana A. Burgessa «Zavodnoi apel'sin». *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 3 (90), pp. 91–97. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-3-90-10. (In Russ.)

- Pilipenko G.P. Adaptatsiya zaimstvovannykh glagolov iz ispanskogo yazyka v rechi potomkov ukrainskikh pereselentsev v Yuzhnoi Amerike. *Slavyanskiĭ al'manakh*, 2023, no. 1–2, pp. 193–230. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01. (In Russ.)
- Popova T.V. Semanticheskoe prostranstvo russkogo glagola i yazykovaya igra. *Khudozhestvennyi tekst: struktura, semantika, pragmatika*. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. Univ-ta Publ., 1997, pp. 131–143. (In Russ.)
- Rieger J. Jak badać słownictwo kresowe. *Idem. Język Polski na kresach*. Warszawa, DiG Publ., 2019a, pp. 144–153 (впервые опубликовано в: *Studia nad polszczyzną kresową*. T. XI. Warszawa, Semper Publ., 2004, pp. 23–33).
- Rieger J. Morfologia czasownika w gwarze wsi Wójtowce na Podolu. *Idem. Język Polski na kresach*. Warszawa, DiG Publ., 2019b, pp. 442–479 (сокращенная версия статьи: Bakun-Kiczyńska M., Rieger J. Morfologia czasownika w gwarze wsi Wójtowce na Podolu. *SPK XI*. Warszawa, Semper, 2004, pp. 135–199).
- Rusakov A. Yu. *Interferentsiya i pereklyuchenie kodov (severno-russkii dialekt tsyganskogo yazyka v kontaktologicheskoi perspektive)*: Dis. v vide nauch. doklada... dok. filol. nauk. St. Petersburg, 2003, 105 p. (In Russ.)
- Shirokova A.G. Metody, printsipy i usloviya sopostavitel'nogo izucheniya grammaticheskogo stroya geneticheskii rodstvennykh slavyanskikh yazykov. *Sopostavitel'nye issledovaniya grammatiki i leksiki russkogo i zapadnoslavyanskikh yazykov*, pod red. A.G. Shirokovoi. Moscow, 1998, pp. 10–99. (In Russ.)
- Wohlgemuth J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 2009, 459 p.

Received on 31.03.2024
Accepted on 15.05.2024

Информация об авторе:

Остапчук Оксана Александровна
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2856-0793
E-mail: ostapczuk@yandex.ru

Information about the author:

Oxana A. Ostapchuk
PhD (Philology), Assistant Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2856-0793
E-mail: ostapczuk@yandex.ru